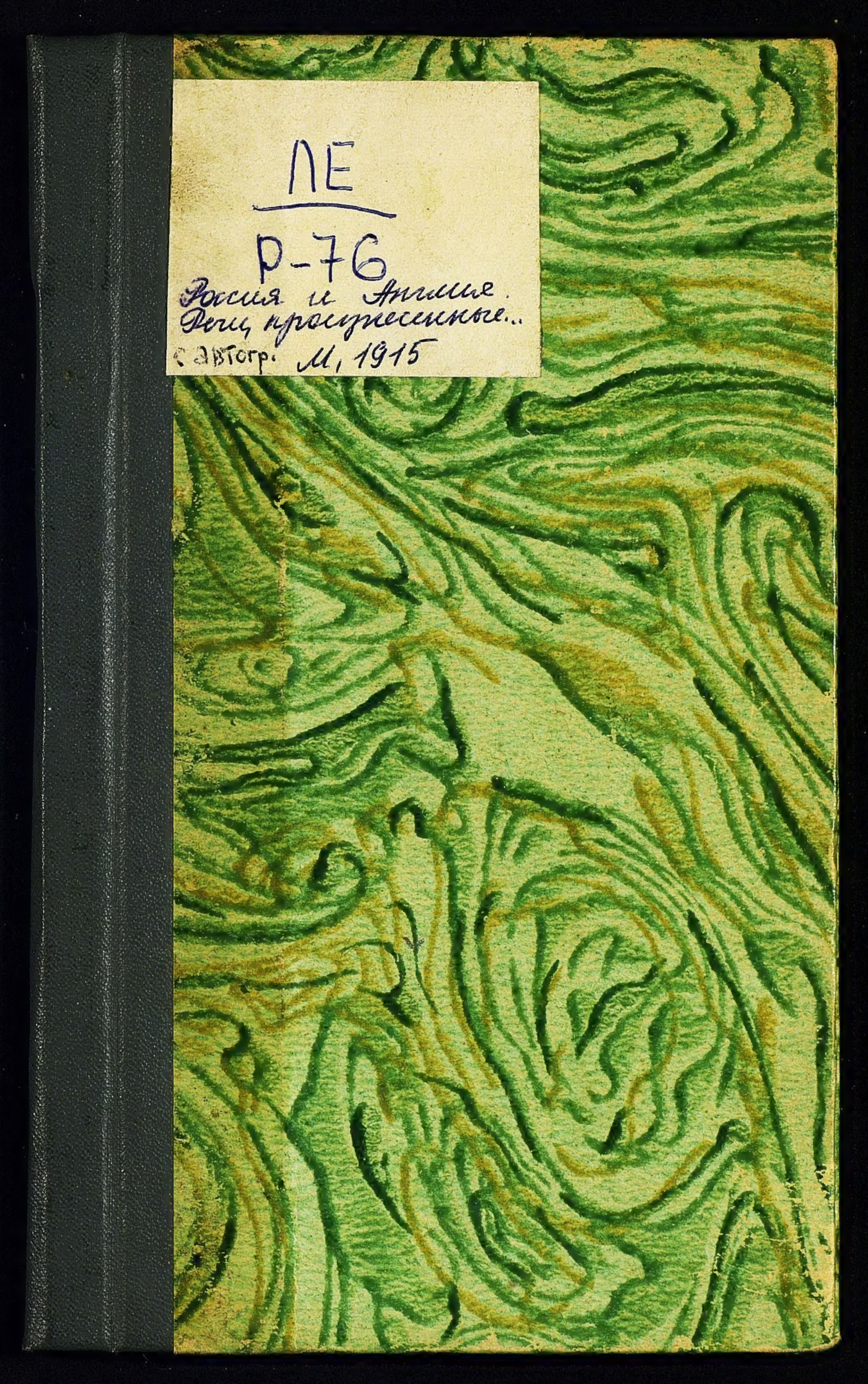
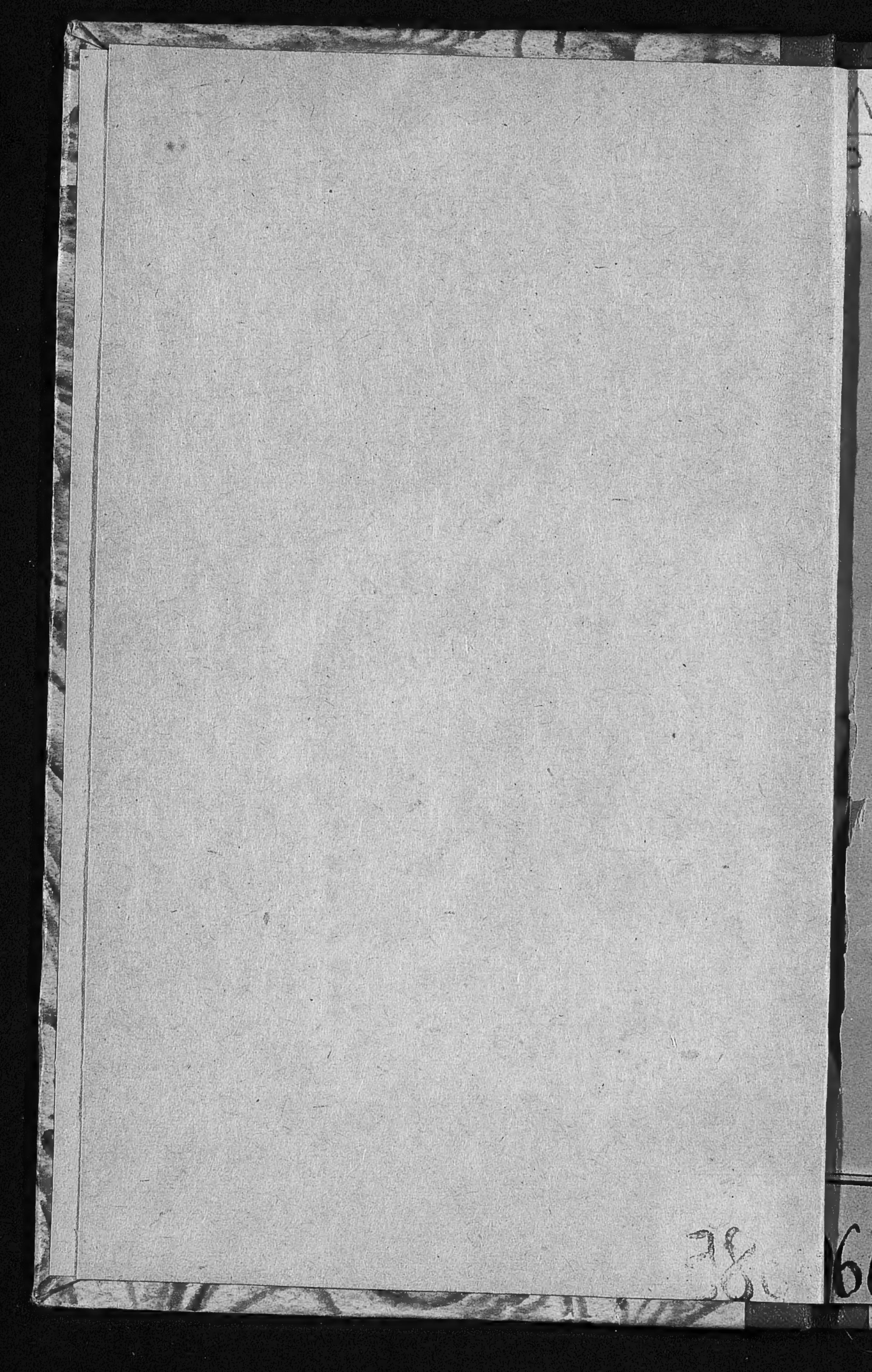

ЛЕ
Р-76
Россия и Англия.
Речи произнесенные..
с автогр. М, 1915

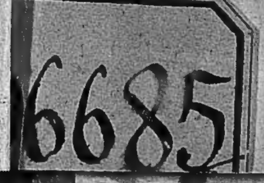
Россія и Англія.

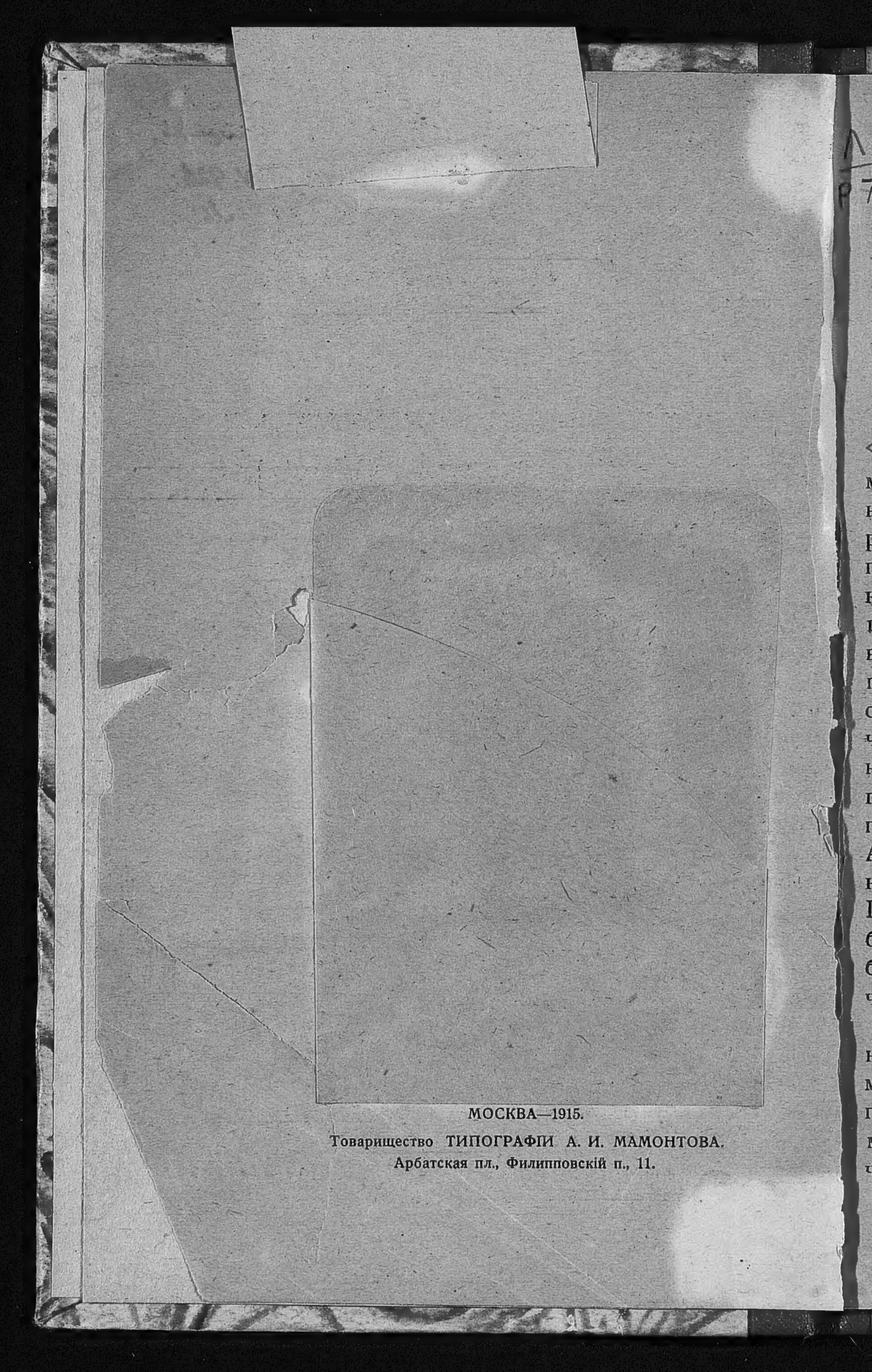
Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ открытіи Общества Сближенія съ Англіей въ Москвѣ, 22 мая 1915 года.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ
А. К. Дживелегова.

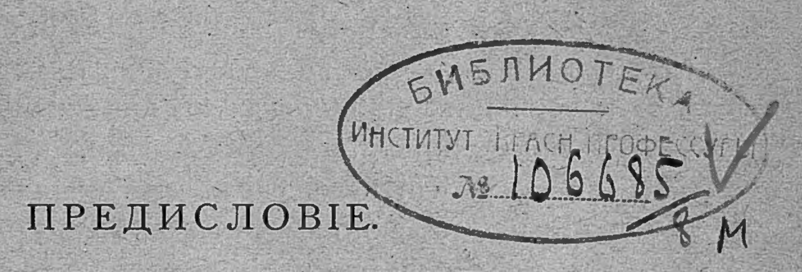
Изданіе
„Общества Сближенія съ Англіей“.

МОСКВА.
1915.

МОСКВА—1915.
Товарищество ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская пл., Филипповскій п., 11.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Интересы, которые связываютъ въ настоящій моментъ Россію и Англію, огромны. Они только не сознаются всѣми. Въ мало сознательной части русскаго народа сидитъ еще старое недовѣріе, продуктъ Русско-Турецкой войны и Берлинскаго конгресса, представленіе о томъ, что „англичанка гадитъ“. Эти настроенія постепенно сжигаются въ боевомъ огнѣ и замѣняются прямо противоположными. Но имѣются болѣе устойчивыя настроенія, враждебныя Англіи, и природа ихъ такова, что ихъ не истребитъ никакой пламень. Это— настроенія германофильскихъ реакціонныхъ круговъ. Они боятся сближенія съ Англіей по очень простой и очень понятной причинѣ. Пока мы съ Англіей были лишь въ оффиціальной дружбѣ, корректной, но холодной, — они опасности не чуяли. Германія была близка. Поддержка Германіи всегда была обезпечена. Германія для нашей реакціи была превосходно оборудованнымъ тыломъ, и причинъ для безпокойства не было никакихъ.

Когда война поставила вопросъ о дѣйствительномъ, тѣсномъ сближеніи съ Англіей, да еще въ моментъ, когда отъ добрыхъ услугъ Германіи приходилось хотя бы приличія ради, хотя бы временно, отказаться,—положеніе перемѣнилось. Почувствовалась возможность, что Англія станетъ

тыломъ сторонниковъ послѣдовательнаго конституціонализма, приверженцевъ идеи свободы человѣка и ихъ будетъ поддерживать со всей силою и всей настойчивостью, на какую она способна.

Этихъ противниковъ Англіи, конечно, невозможно убѣдить въ томъ, что сближеніе съ „коварнымъ Альбіономъ“ дастъ прекрасные плоды для Россіи. Для Россіи—не значитъ: для нихъ.

Мы упомянули о предубѣжденіяхъ противъ Англіи—сознательныхъ и безсознательныхъ—для того, чтобы указать, какъ много предстоитъ друзьямъ англійскаго народа формальной работы: разъяснять, напоминать, разсѣевать всяческія недоразумѣнія, иногда учить. Обществу сближенія съ Англіей придется заняться всѣмъ этимъ. Безъ этого большія и значительныя задачи Общества, экономическія, политическія и культурныя, не могутъ быть осуществлены въ полной мѣрѣ.

Общество сближенія съ Англіей не боится ставить себѣ широкія задачи. Оно увѣрено, что въ огромномъ своемъ большинствѣ русскій народъ понимаетъ, для чего нужно ихъ ставить и разрѣшать.

Чтобы напомнить объ этихъ задачахъ въ самыхъ общихъ чертахъ, Общество рѣшило издать рѣчи, произнесенныя въ день его открытія.

Москва,
15 сентября.

А. Дживелеговъ.

Торжественное открытіе Общества.

Засѣданіе состоялось въ зданіи Московскаго Городского Общественнаго Управленія. Собраніе открылъ М. М. Новиковъ, предложившій отъ лица организаторовъ избрать предсѣдателемъ собранія М. В. Челнокова. Предложеніе встрѣчено громкими аплодисментами.

Рѣчь М. В. Челнокова.

Привѣтствую Общество Сближенія съ Англіей отъ имени Московскаго Городского Общественнаго Управленія. Ваша мысль — работать ради этого сближенія, ради ознакомленія между собой двухъ великихъ народовъ, ради созданія цѣлаго ряда отношеній между ними—мысль счастливая. И въ обычное мирное время прикосновеніе къ англійской жизни, культурѣ, государственному укладу всей жизни, торговли, промышленности—можетъ дать Россіи, русскому обществу безконечно много. Наше городское самоуправленіе, быть-можетъ, лучше всѣхъ понимаетъ и цѣнитъ значеніе Англіи, какъ классической страны самоуправленія, какъ образца, къ которому въ дѣлѣ благоустройства городовъ и организаціи городского хозяйства мы можемъ пока только стре-

миться. О нашихъ московскихъ внѣшнихъ займахъ въ Англіи я здѣсь изъ скромности лучше умолчу и обращу лишь вниманіе на Англію, какъ на неисчерпаемый источникъ государственной и муниципальной мудрости, ищущей осуществленія своихъ идеаловъ въ свободѣ, уваженіи къ праву, къ личности, къ національности. Тѣмъ большее значеніе имѣетъ сближеніе съ Англіей въ настоящее время, когда весь міръ раздѣлился на борцовъ за лучшіе идеалы человѣчества и враговъ ихъ, строящихъ свое притязаніе на господствѣ силы и матеріальной культуры, понимаемой грубѣйшимъ образомъ. Мы всѣ счастливы, что въ этой великой борьбѣ Россія стала—гдѣ ей только можетъ быть мѣсто, т.-е. на сторонѣ права и правды, культуры и высшихъ идеаловъ человѣка. И съ нами вмѣстѣ съ другими союзниками—Англія, которая рѣшила обнажить мечъ, когда право было растоптано германскими варварами на поляхъ Бельгіи и на развалинахъ ея городовъ. Мы знаемъ, что мы побѣдимъ, какія бы испытанія намъ ни предстояли, какія бы перемѣны военнаго счастья намъ ни пришлось пережить; мы должны побѣдить, ибо если бы случилось иначе, въ Европѣ не было бы мѣста свободному развитію человѣческой жизни—и она погибла бы подъ гнетомъ германскаго милитаризма.

И въ этой твердой рѣшимости побѣдить, которая насъ всѣхъ одушевляетъ, — сознаніе, что Англія съ нами, даетъ намъ силу и увѣренность.

Мы всѣ видимъ, какой необыкновенный искусъ выдержало государственное устройство Англіи, ея своеобразная система отношеній внутри имперіи, какъ спокойно, упорно, методично разверты-

вала она свои безграничные ресурсы, и какъ въ этой жестокой войнѣ она остается вѣрна себѣ и высшей культурѣ.

Сближеніе съ этой великой страной въ такое великое время источникъ безчисленныхъ и, скажу, взаимныхъ выгодъ и возможностей, во всѣхъ отрасляхъ государственной, муниципальной и культурной жизни, и надо горячо желать успѣха вашему Обществу, которое поставило себѣ прекрасную цѣль—сближеніе съ великой свободной Англіей.

Слово М. М. Новикова.

М. М. Новиковъ благодарилъ отъ лица учредителей Общества Московское самоуправленіе за привѣтъ и гостепріимство, отмѣтивъ, что дружественное отношеніе къ Англіи стало за послѣдніе годы традиціоннымъ въ городскомъ управленіи, которое съ энтузіазмомъ принимало англійскихъ гостей въ 1912 и въ прошломъ году.

Рѣчь М. М. Ковалевскаго.

Однимъ изъ вѣроятныхъ исходовъ войны будетъ для насъ, несомнѣнно, свободный доступъ къ незамерзающимъ портамъ. А это одно уже откроетъ возможность нашего прямого общенія съ Англіей, съ той державой, съ первой изъ странъ которыми мы еще со временъ Ивана Грознаго завязали живой торговый оборотъ, сопровождавшійся, къ сожалѣнію, долгое время слишкомъ слабымъ умственнымъ общеніемъ. Подобно тому, какъ въ XVI и XVII вѣкахъ сперва голландцы

а затѣмъ нѣмцы пытались воспрепятствовать торговому и политическому сближенію Россіи съ Англіей, такъ точно въ теченіе всей нашей послѣдующей исторіи за немногими перерывами, Германія, и отчасти Австрія стѣною отдѣляли насъ отъ непосредственнаго обмѣна не одними товарами, но и идеями отъ Великобританской Имперіи. Были, правда, моменты, когда мы проникались сознаніемъ, что въ борьбѣ за право и свободу народовъ нѣтъ лучшихъ союзниковъ, какъ англичане. Такъ было въ годы, непосредственно предшествовавшіе нашествію на Россію двунадесяти языкъ и во все время продолженія освободительной войны. Англичане въ то время, какъ и теперь, вооружились противъ попытки созданія силою меча военной диктатуры надъ Европою. Имъ грозили такимъ же изолированіемъ ихъ отъ прочаго міра, какое теперь съ помощью своихъ подводныхъ лодокъ и нарушенія не только основъ международнаго морского права, но и простого человѣколюбія проводитъ Германская Имперія. На Вѣнскомъ конгрессѣ мы, къ сожалѣнію, не поняли, что интересы Россіи, какъ и всего славянства, требуютъ не сближенія съ вѣковымъ врагомъ послѣдняго, а, наоборотъ, тѣснаго союза съ тѣми самыми державами, въ общеніи съ которыми мы ведемъ настоящую войну. „Священный Союзъ“ Россіи, Австріи и Пруссіи сдѣлался новою стѣною, направленною на этотъ разъ главнымъ образомъ противъ освободительныхъ идей, исконнымъ очагомъ которыхъ была Англія. Въ борьбѣ съ ними мы готовы были подчинить наши собственные интересы и интересы всего славянскаго міра навязанному намъ Меттернихомъ уваженію къ охранѣ такъ называемыхъ

консервативныхъ началъ всюду, даже въ предѣлахъ Балканской Имперіи. Николай Павловичъ открыто высказывался за сохраненіе Турціи и ея владычества надъ единокровными и единовѣрными съ нами народностями. Но состраданіе къ жестокой участи православнаго населенія Турціи и естественное влеченіе Россіи къ открытому морю не позволили намъ долго оставаться при этой точкѣ зрѣнія и потому въ цѣпяхъ Священнаго Союза. Одинъ за другимъ молдаване, валахи, греки, сербы стали искать помощи противъ вѣкового гнета Ислама въ самомъ могущественномъ изъ православныхъ государствъ. Мы одно время дѣйствовали заодно съ англичанами и французами въ интересахъ освобожденія Греціи. Но намъ стоило только открыто выступить съ мыслью объ осуществленіи приписываемаго Петру завѣта по отношенію къ Константинополю, чтобы встрѣтить на нашемъ пути не только тѣхъ, кого наша близость съ абсолютными монархіями Австріи и Пруссіи невольно обратила въ нашихъ противниковъ, но и тѣхъ, кого мы въ правѣ были считать своими союзниками. Хотя мы никогда не стремились отнять у Англіи ея владычества въ Индіи, но совокупными усиліями всѣхъ тѣхъ, кто желалъ удержать насъ въ положеніи болѣе азіатской, чѣмъ европейской державы, создано было представленіе, что мы ищемъ доступа къ Средиземному морю съ задней мыслью отрѣзать Англію отъ ея важнѣйшей колоніи. Въ Крымской кампаніи мы имѣли противъ себя всю Европу, и сама имперія Габсбурговъ, забывая тѣ рыцарскія услуги, какія оказала этой династіи въ 1849 г. политика Николая I, очутилась далеко не на нашей сторонѣ.

Разъ созданныя предубѣжденія не легко исчезаютъ, и когда на разстояніи болѣе четверти столѣтія мы пошли на освобожденіе болгаръ и на созданіе болгарскаго княжества, со временемъ сдѣлавшагося царствомъ, англійскій флотъ готовъ былъ заградить намъ дорогу въ Царьградъ. На Берлинскомъ конгрессѣ мы потеряли столько же отъ противодѣйствія Англіи, сколько и отъ честнаго маклерства германскаго канцлера. Завязавшееся вскорѣ торговое соперничество Англіи съ Германіей въ связи съ переходомъ Египта въ руки англичанъ больше сдѣлало для устраненія предубѣжденій, мѣшавшихъ нашему естественному тяготѣнію другъ къ другу, чѣмъ все искусство дипломатіи. Споры, вызванные нашимъ приближеніемъ къ Афганской границѣ, прекратились. Англія сумѣла размежеваться съ нами по отношенію къ зонамъ вліянія въ Персіи; ни одинъ осмысленный человѣкъ больше не вѣритъ въ нашу готовность напасть на Индію. Само опасеніе, что Россія, ставши ногой на берегу Средиземнаго моря или проливовъ, ведущихъ къ нему, будетъ грозить оттуда Великобританской Имперіи,—исчезло съ того момента, когда Суэзскій каналъ вмѣстѣ съ Египтомъ поступилъ подъ фактическое верховенство Англіи. Ничто не разъединяетъ насъ теперь, а все сближаетъ; сближаетъ желаніе создать прочныя условія для мира Европы, къ сожалѣнію, силою меча, создать ихъ защитой права и самостоятельности мелкихъ народностей, обезпеченіемъ свободы Европы отъ навязываемой ей Германской гегемоніи, нежеланіемъ пассивно отнестись къ новому опыту созданія того, что сами нѣмцы называютъ міровымъ государствомъ, Welt-

staat'омъ, объявляя, что имъ мало быть только великой державой. (Книга Рорбаха, одного изъ внушителей этой политики, такъ и озаглавлена: „Отъ великой къ мiровой державѣ").

Наше сближенiе съ Англiей несомнѣнно укрѣпится отъ сознанiя важности взаимныхъ услугъ, оказанныхъ союзниками въ этомъ еще небываломъ столкновенiи народовъ и государствъ всего свѣта. Оно должно пустить глубокiе корни и принести свои плоды послѣ заключенiя мира и совмѣстнаго съ союзниками измѣненiя карты Европы.

Въ чемъ же должно сказаться это болѣе тѣсное общенiе? Его влiянiе проявится несомнѣнно въ разныхъ направленiяхъ. Наше общенiе съ Великобританской имперiей должно быть одновременно и духовнымъ, и экономическимъ. Мы выиграемъ отъ того, если стремленiя къ политическому правопорядку и къ общественной справедливости, зародившiяся впервые въ Англiи еще въ XVII в., въ эпоху размежеванiя правъ парламента и правительства и успѣшной проповѣди равенства въ лицѣ левеллеровъ и вытекавшей изъ того же теченiя доктрины Локка, будутъ оказывать на насъ воздѣйствiе безъ посредничества и односторонней ихъ интерпретацiи германцами. При реформѣ нашего политическаго строя мы, къ сожалѣнiю, болѣе руководствовались примѣрами Пруссiи и Австрiи, чѣмъ широкой системой самоуправленiя, которая лежитъ въ основѣ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ учрежденiй Англiи. Мы несомнѣнно много выиграемъ, и уже начинаемъ пожинать плоды быстраго распространенiя у насъ того широкаго кооперативнаго движенiя, родоначальникомъ котораго былъ англичанинъ Ро-

бертъ Оуэнъ. Англійскій трэдъ-юніонизмъ есть также тотъ мирный элементъ общественнаго процесса, который не мѣшало бы пересадить въ нашу среду, уже подготовленную къ тому вѣковымъ существованіемъ у насъ артелей. Англійская философія, англійская психологія и соціологія въ лицѣ Бентама, Милля, Бокля, Спенсера уже давно овладѣла умами русской интеллигенціи, и я считалъ бы несомнѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей культуры, если бы то трезвое научное направленіе, какимъ всегда отличались со временъ Бэкона англійскіе мыслители, получило въ средѣ нашей молодежи перевѣсъ надъ метафизическимъ мышленіемъ, преимущественнымъ очагомъ котораго для насъ, какъ и для всего міра, была Германія.

Неисчислимыя и далеко еще неизвѣстныя сокровища, какія содержитъ наша почва и о которыхъ сказано такъ много вѣрнаго въ недавнемъ сообщеніи академика В. И. Вернадскаго, требуютъ для своего использованія затраты столь значительныхъ капиталовъ, что нашему отечеству нельзя относиться безразлично къ тому, потекутъ ли эти вклады изъ сбереженій дружественныхъ или, наоборотъ, враждебныхъ намъ державъ. „Жизнь ставитъ властно на очередь дня, пишетъ Вернадскій въ сообщеніи сдѣланномъ Физико-Матем. отдѣленію Академіи наукъ 8 апрѣля 1915 г., необходимость чрезвычайнаго расширенія и усиленія работы живыхъ силъ нашей страны, въ направленіи къ выясненію естественныхъ богатствъ Россіи, учета ихъ запасовъ, возможности использовать ихъ... Передъ русскимъ обществомъ совершенно неожиданно открылась недопустимая для сильной, здоровой страны и для живого, мо-

[м]учаго народа—экономическая зависимость нашей жизни отъ Германіи... То, что казалось неопаснымъ и безразличнымъ въ мирное время, вдругъ въ эпоху мірового кризиса выдвинуло свои вредоносныя разлагающія и ослабляющія силы. Та форма зависимости отъ Германіи, которая передъ нами раскрылась,—не можетъ быть терпима. Она перешла за предѣлы необходимаго, неизбѣжнаго и благодѣтельнаго обмѣна произведеніями природы, труда или мысли между сосѣдними государствами. Она перешла въ область эксплоатаціи одной страны другой". Авторъ доказываетъ, что намъ необходимо озаботиться замѣной ввозимыхъ нами изъ Германіи продуктовъ, добываніемъ ихъ путемъ использованія естественныхъ силъ Россіи. Интересный докладъ моего товарища по Академіи показываетъ, какъ значительны эти силы, какъ производительна можетъ быть ихъ утилизація и какъ велики должны быть капиталы, необходимые для быстроты ихъ использованія. Англичане, уже сдѣлавшіе значительныя затраты въ этомъ направленіи въ Сибири, должны, наравнѣ съ другими нашими союзниками, найти въ нашей странѣ особое поощреніе и заступить мѣсто, ранѣе занятое нѣмцами и австрійцами. Ихъ капиталы потекутъ въ нашу родину наравнѣ съ французскими, а обезпеченность и значительность получаемаго отъ того дохода сдѣлаетъ помѣщеніе ими ихъ сбереженій въ русскія предпріятія—одной изъ самыхъ выгодныхъ операцій для обѣихъ сторонъ.

Разсчитывая, что въ ближайшемъ будущемъ мы призваны будемъ къ такому же дружному сотрудничеству въ мирѣ, какимъ ознаменовалась совре-

менная война, старые и новые друзья Англіи (къ числу первыхъ позвольте мнѣ причислить и себя), остановились на мысли о пользѣ создать Общество, которое помимо всякой мысли о матеріальной выгодѣ для себя, сдѣлалось бы органомъ сближенія между двумя націями, призванными къ взаимному пониманію и совмѣстной дѣятельности. Наше Общество должно способствовать одинаково и обмѣну идей и обмѣну продуктовъ, включить въ свою среду работниковъ въ наукѣ, художественномъ творчествѣ, литературѣ, педагогикѣ, и рядомъ съ этимъ вожаковъ и руководителей промышленной, торговой и кредитной дѣятельности. Отъ нашихъ сочленовъ мы не требуемъ другого ценза, кромѣ нравственнаго, и будемъ поэтому настаивать на томъ, чтобы они входили въ нашу среду только по провѣренной рекомендаціи двухъ ранѣе принятыхъ членовъ общества.

Мы надѣемся, что безвозмездными услугами всѣмъ тѣмъ, кто желаетъ ближайшаго ознакоменія съ Англіей ли или съ Россіей, мы успѣемъ на разстояніи немногихъ лѣтъ упрочить за собою положеніе духовнаго посредника между двумя великими націями.

Мы раздѣляемъ увѣренность, что печать, сознавая важность нашего начинанія, будетъ всячески ему содѣйствовать, разсчитывая въ то же время на ту пользу, какую можетъ оказать ей правильная информація по различнѣйшимъ вопросамъ, связаннымъ съ культурными, общественными и политическими заданіями обоихъ народовъ. „Дѣло говоритъ само за себя“, гласитъ хорошо извѣстная русская поговорка. Слѣдуя ей, я воздержусь отъ всякихъ обѣщаній. Справляя годовщину вновь

создаваемаго Общества, мы сами или наши преемники, по всей вѣроятности, выразятъ со временемъ свое удивленіе тому, что это Общество возникло только вѣкъ спустя послѣ Вѣнскаго конгресса, почти наканунѣ другого, который долженъ восполнить и исправить дѣло дипломатовъ, старавшихся ликвидировать освободительныя войны 1812—1814 гг. Обществу нашему слѣдовало бы возникнуть сотню лѣтъ ранѣе и проложить путь тому самому сближенію Россіи съ Англіей, которое лежало тогда, какъ и теперь, въ интересахъ обѣихъ величайшихъ имперій въ мірѣ. Эта истина мнѣ кажется настолько очевидной, что я не буду далѣе настаивать на ней. Наше Общество отвѣчаетъ реальной необходимости и въ этомъ лежитъ одно изъ условій его будущаго расцвѣта. Если прибавить къ сказанному, что люди, въ немъ объединившіеся, сошлись служить общему дѣлу подъема русскихъ, культурныхъ, просвѣтительныхъ и хозяйственныхъ интересовъ, что они одушевлены глубокой любовью не только къ родинѣ, но и къ прогрессу всего человѣчества, то явится новое основаніе считать ихъ заданія заслуживающими той нравственной поддержки, какую въ настоящую минуту оказываетъ намъ первопрестольная Москва, это сердце Россіи. Я позволяю себѣ отъ имени всѣхъ собравшихся выразить въ лицѣ ея Городского Головы нашу благодарность Москвѣ и Московской Думѣ за ея гостепріимство.

Рѣчь Ѳ. И. Родичева.

Въ нашъ демократическій вѣкъ, войны превращаются въ войны народовъ. Также и преж-

ніе союзы правительствъ постепенно превра-щаются въ союзы народовъ,—въ союзы, продикто-ванные и подготовленные взаимными чувствами націй.

Симпатіи между Англіей и русскимъ общест-вомъ плодъ недавняго сравнительно прошлаго, но корни ихъ глубоки и прочны. Впервые эти симпатіи обозначились въ началѣ прошлаго вѣка.

И на всемъ послѣдующемъ протяженіи нашей общественной жизни отчетливо обозначалось со-впаденіе усиленія этихъ симпатій и англійскаго культурнаго вліянія съ подъемами русской осво-бодительной волны. И, наоборотъ, когда волна спадала, ослаблялось и англійское вліяніе, туск-нѣли наши англійскія симпатіи. Была печать бай-ронизма, котораго существо,—мечта о свободномъ и гордомъ человѣкѣ, на освободительномъ дви-женіи внутри Россіи при Александрѣ I и на на-шемъ участіи въ борьбѣ за освобожденіе Греціи. Катастрофа 14-го декабря повергла Россію въ долгій и тяжелый сонъ. Когда она проснулась, Англія стала первымъ пріютомъ русской свобод-ной мысли; тамъ, въ изданіяхъ Герцена, за-звучала русская свобода слова. Затѣмъ англій-ская наука и англійская философія стали пред-метомъ глубокаго интереса русскихъ. У рус-скаго молодого поколѣнія Бокль сталъ на-стольной книгой, Милль сталъ чуть-что не обру-сѣвшимъ писателемъ; жадно прильнуло русское вниманіе къ Дарвину и Спенсеру. Позднѣе въ Московскомъ университетѣ среди разлива нѣмец-кихъ вліяній группа молодыхъ профессоровъ, въ томъ числѣ Ковалевскій, Янжулъ, Посниковъ, явились проповѣдниками англійской дѣятельности,

оказывая замѣтное вліяніе на русское міросозерцаніе. Такъ передавалось англійское вліяніе и крѣпли наши англійскія симпатіи. Турецкая война и Берлинскій конгрессъ были небольшимъ перерывомъ: наступило охлажденіе. Но вотъ наступило 17-е октября, торжественный актъ совершеннолѣтія Россіи.

Россія входитъ въ семью культурныхъ европейскихъ государствъ, и ея освободительное движеніе какъ разъ совпадаетъ съ водвореніемъ либеральнаго министерства въ Англіи. Симпатіи крѣпнутъ между этими государствами. Англія была той страной, которая особенно полно оцѣнила русское политическое обновленіе и горячо его привѣтствовала. Въ Англіи прозвучали послѣ роспуска первой нашей Государственной Думы знаменательныя слова: „Дума умерла, да здравствуетъ Дума!“. Этимъ англійскій премьеръ, Кэмпбеллъ Баннерманъ, краснорѣчиво выражалъ англійскую вѣру въ русскую конституцію, въ настоящую политическую зрѣлость. Въ этомъ отношеніи Англіи сказалась ея исконная черта: дѣйственное сочувствіе освобождающимся народамъ, можетъ-быть, и не всегда безкорыстное, но чаще отмѣченное именно безкорыстіемъ. И такимъ было англійское отношеніе къ обновленной Россіи.

Англія внесла величайшій вкладъ въ человѣчество: право личности. Это право кристаллизовано ею еще въ 13-мъ столѣтіи. Съ тѣхъ поръ оно крѣпло. Это же право сдѣлалось идеаломъ и въ русскомъ обществѣ. Вотъ почва сближенія. Нынѣшняя война довершила дѣло. Нынѣшняя война, это—борьба за свободу и право народовъ. Вмѣстѣ съ Россіей рѣшаетъ Англія великій историческій

вопросъ, въ какихъ условіяхъ будутъ жить ея и наши дѣти: подъ властью силы или подъ властью права. Сила ли идетъ впереди права, или право идетъ впереди силы, заставляя ее служить себѣ? Будетъ ли право низвергнуто силой или станетъ оно прекраснымъ и благороднымъ властелиномъ міра? Вотъ какой вопросъ рѣшается сейчасъ въ Европѣ. Мы съ Англіей выступили въ борьбу за право. Наша сила въ правдѣ. Этимъ мы побѣдимъ и не можемъ не побѣдить. Моральное оружіе, моральное сознаніе правоты составляютъ рѣшающую силу, и мы преодолѣемъ врага права и свободы. Пусть же новое Общество дѣлаетъ свое дѣло, пусть растетъ сближеніе Англіи и Россіи. Да здравствуетъ побѣда во имя мира, любви и права народовъ!

Рѣчь П. Н. Милюкова.

Предыдущимъ ораторомъ только, что справедливо было сказано, что въ наше время воюютъ и вступаютъ въ союзы не правительства, а народы. И союзы и войны нашего времени только тогда удачны, когда это—союзы и войны народовъ. Успѣхъ и побѣда въ послѣднемъ счетѣ зависитъ отъ того, какъ смотритъ народъ на войну, что онъ отъ нея ожидаетъ, какую цѣль онъ преслѣдуетъ.

Вотъ почему въ области русско-англійскихъ отношеній нѣтъ для насъ въ настоящее время вопроса, болѣе жизненнаго и центральнаго, чѣмъ вопросъ о томъ, какъ осмысливаетъ англійскій народъ свое участіе и свою роль въ войнѣ, какія идеи онъ съ нею связываетъ.

Общій отвѣтъ на этотъ вопросъ безспоренъ и всѣмъ извѣстенъ. Только участіе Англіи сдѣлало эту войну *міровой* войной. Оно же окончательно дало войнѣ характеръ борьбы за всеміpные идеалы. Мы, конечно, и помимо англичанъ по праву и справедливости называли эту войну „освободительной". Но тожество и согласіе нашего взгляда съ взглядомъ англичанъ является для насъ новымъ ручательствомъ правильности нашей идеологіи и прочной гарантіей ея возможно полнаго осуществленія.

Каково же отношеніе англичанъ къ войнѣ?

Конечно, въ такой свободной странѣ, какъ Англія, взгляды даже на такое громадное событіе не могутъ не быть чрезвычайно разнообразны. Разница эта существовала уже по отношенію къ бурской войнѣ. Тогда, какъ и теперь, она не затушевывалась никакими внѣшними стѣсненіями. Между крайними лѣвыми и крайними правыми взглядами существовала тогда, существуетъ и теперь, цѣлая гамма воззрѣній.

Прежде всего, есть принципіальные противники *всякой* войны, которые и остались таковыми вопреки призыву къ ихъ чувству патріотизма. Одни изъ нихъ противъ войны по причинамъ религіознымъ: потому что войной нарушается божественная заповѣдь. Другіе—противъ войны по причинамъ соціальнымъ: для нихъ безспорна тѣсная связь милитаризма съ капитализмомъ—два явленія, противъ которыхъ они одинаково протестуютъ. Третьи, наконецъ, не мирятся съ войной по соображеніямъ, которыя можно назвать сверхнаціональными и космополитическими: потому что война разрушаетъ деликатную ткань международ-

наго общенія и является пережиткомъ прошлаго возвратомъ отъ индустріальнаго періода цивилизаціи къ періоду военному.

Есть и другая категорія враговъ войны, не войны вообще, а именно этой войны. Эти противники рѣзко осуждаютъ политику Грея и вообще ту политику „окруженія" Германіи, начало которой положилъ покойный король Эдвардъ VII. Они предпочли бы, вмѣсто сближенія съ Франціей и Россіей, сближеніе съ Германіей, которое имъ казалось менѣе опаснымъ для европейскаго мира, болѣе обезпечивающимъ этотъ миръ отъ торжества военныхъ партій и поставщиковъ вооруженій.

Существуетъ, наконецъ, и третья категорія: люди, которые не являются ни противниками войны вообще, ни противниками даже этой войны. Но они—противники идеологіи этой войны, потому, что считаютъ, что война есть война и что ея идеологія есть лицемѣріе. Таковъ, напримѣръ, взглядъ Бернарда Шоу въ его извѣстномъ памфлетѣ о „Здравомъ смыслѣ и войнѣ", въ которомъ знаменитый драматургъ старается доказать, что Англія первая показала примѣры той практики, на которой построилъ свою теорію генералъ Бернгарди и что она вовсе не невинная овечка, а настоящій „бульдогъ".

Всѣ эти три категоріи противниковъ войны, вмѣстѣ взятыя, не составляютъ, однако, большинства. Оппозиція многихъ изъ нихъ, напротивъ, вполнѣ лична и индивидуальна; за другими стоятъ лишь небольшие кружки. Рядомъ съ ихъ мнѣніями, безконечно разногласящими между собой, стоитъ огромное большинство общественнаго мнѣ-

нія, все болѣе согласное по мѣрѣ того, какъ все болѣе выясняется серьезность положенія. Внѣ этого большинства мало-по-малу остаются лишь чудаки и оригиналы, какъ Шоу, или скептики и пессимисты, какъ Брельсфордъ, или, наконецъ, фанатики доктрины, какъ Кейръ Гарди. Когда они соединяются между собой, они берутъ знамя, которое не противорѣчитъ и мнѣнію большинства. Они создаютъ „лигу демократическаго контроля", въ основѣ которой лежитъ вполнѣ пріемлемая мысль, что внѣшнюю политику должны создавать не дипломаты-профессіоналы въ тайникахъ канцелярій, а народы, въ лицѣ представителей своего „демократическаго контроля".

За предѣлами этого небольшого и пестро составленнаго круга уже начинается общее единодушіе. Оно начинается уже среди части соціалистовъ съ Гайндманомъ во главѣ (Рамсей Макдональдъ скорѣе склоняется на сторону противниковъ). Къ нему примыкаетъ и очень значительная часть рабочихъ организацій и, наконецъ, вся радикальная и либеральная ежедневная пресса. Въ такомъ соціалистическомъ органѣ, какъ „Clarion", выступаетъ противъ остроумныхъ парадоксовъ Бернарда. Шоу съ негодующей критикой его другъ, Блачфордъ. Въ „Daily News" горячимъ проповѣдникомъ единенія на почвѣ общихъ усилій въ борьбѣ является уважаемый критикъ Арнольдъ Беннетъ, Даже такой скептическій публицистъ, какъ Массингамъ, рѣзко осуждаетъ въ печати „грѣхъ пессимизма" и развертываетъ передъ обществомъ положительные идеалы войны.

Нечего прибавлять, что за войну стоитъ и либерально-радикальный кабинетъ, со всѣмъ тѣмъ,

что стоитъ позади него, не исключая даже ирландцевъ, которые отошли лишь въ самое послѣдніе время. За войну, наконецъ, и консервативная часть общества,—единственная, которая къ аргументамъ „освободительнымъ“ присоединяетъ и аргументы, которые мы назвали бы націоналистическими.

Для нашихъ цѣлей я не могу лучше охарактеризовать разницы между этими тремя направленіями англійской общественной мысли, какъ выяснивъ тотъ особый оттѣнокъ, съ которымъ каждое изъ нихъ относится къ Россіи.

Первое изъ трехъ направленій, скептики, критики и отрицатели, относятся къ намъ съ абсолютнымъ осужденіемъ. Болѣе или менѣе откровенно они противопоставляютъ обвиненіямъ германцевъ въ „варварствѣ“ нашу отсталость. Они съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаются на нашихъ недостаткахъ, на отрицательныхъ сторонахъ нашей жизни, въ которыхъ они усматриваютъ неопреодолимое препятствіе къ нашему сближенію. И даже, когда имъ указываютъ на опасность германскаго стремленія къ міровой гегемоніи, они отвѣчаютъ ссылкой на нашу захватчивость, на русскую экспансію, противопоставляя „панславянскіе“ или „панрусскіе“ идеалы—пангерманскимъ.

Иначе смотритъ на насъ другое теченіе, радикально-либеральное. Быть можетъ, впервые англійскіе радикалы почувствовали желаніе и потребность реабилитировать Россію, доказать себѣ и другимъ, что русскіе—не варвары. Не отрицая нашихъ недостатковъ въ прошломъ и настоящемъ, общественные дѣятели этого направленія опи-

раются, вмѣстѣ съ нами, на наши надежды въ будущемъ. Они указываютъ на наши молодыя представительныя учрежденія, на надежды на нашу дальнѣйшую эволюцію въ вопросахъ политическихъ, соціальныхъ и національныхъ. Чтобы привести конкретный примѣръ, сошлюсь только на статью о Россіи въ любопытномъ сборникѣ лекцій, прочтенныхъ въ демократической аудиторіи: The War and Democracy („Война и демократія“). Авторъ статьи, Dover Wilson, именно съ настоящей войной связываетъ свои надежды. Россія — не Англія. Это громадная, малоподвижная масса, въ сравненіи съ которой Англія можетъ показаться простымъ приходомъ. Только грандіозными, захватывающими событіями, въ родѣ настоящихъ, она можетъ быть потрясена; только лицомъ къ лицу съ ними ее можетъ охватить общая мысль, общее чувство, общее стремленіе. Война всегда и въ прошломъ была въ Россіи связана съ большими шагами впередъ. Надо только вспомнить крымскую войну—и уничтоженіе крѣпостнаго права, японскую—и русскую Государственную Думу. Теперешняя война уже принесла свой плодъ: отрезвленіе Россіи. Помимо того, англійскій авторъ указываетъ на „смягченіе расоваго антагонизма“. Вотъ общій выводъ Довера Уильсона. „Всѣ, кто любитъ Россію—а кто ее знаетъ, не можетъ ее не любить,—надѣются, что это начало будетъ увѣнчано не только побѣдой надъ Германіей на полѣ битвы, но и побѣдой надъ германскимъ духомъ въ мірѣ идей.

Наконецъ, третье, консервативное направленіе англійской общественной мысли опирается не на наше будущее, а на настоящее и даже на прош-

лое. На наши недостатки, поскольку ихъ замѣчаютъ, здѣсь смотрятъ снисходительно, объясняютъ ихъ исторіей и считаютъ значительно преувеличенными русской „интеллигенціей“. На „интеллигенцію“ здѣсь смотрятъ вообще глазами „Вѣхъ“ и противопоставляютъ ей коренную, настоящую, сермяжную Русь и русскую народную „мужицкую“ вѣру. Эту Русь—„бродячую Русь“ Максимова и Каблица-Юзова—только что „открылъ“ и идеализовалъ для употребленія англійскаго общества нѣкто Стифенъ Грэхемъ въ цѣломъ рядѣ своихъ книгъ, въ которыхъ онъ то идетъ съ бродягами въ Архангельскъ, то съ паломниками въ Іерусалимъ („Undiscovered Russia“ 1911; „Changing Russia“, 1913; „With the Russian Pilgrims to Jerusalem“, 1913). Хотя значительно сдержаннѣе, но въ общемъ въ томъ же духѣ пишетъ о Россіи и утонченноизысканный Морисъ Бэрингъ. Въ своей послѣдней книгѣ „The mainsprings of Russia“ (1914) этотъ поклонникъ русскихъ событій 1905 и 1906 гг., прошедшій съ П. Б. Струве его эволюцію, излагаетъ вполнѣ добросовѣстно и отчетливо „причины недовольства“ (гл. V), но спѣшитъ противопоставить этой пессимистической главѣ слѣдующую оптимистическую—о „среднемъ русскомъ типѣ“,—о томъ „лѣсѣ“, котораго нѣкоторые не хотятъ видѣть за деревьями.

Я здѣсь не критикую. Я только излагаю. Но если мнѣ будетъ позволено высказать мое личное отношеніе къ тремъ теченіямъ, охарактеризованнымъ въ ихъ отношеніи къ Россіи, я признаюсь, что лучше понимаю первое, чѣмъ послѣднее, и ближе другихъ чувствую себя ко второму.

Разумѣется, я отъ души желалъ бы, чтобы этимъ путемъ пошло и наше нарождающееся Общество.

Во всякомъ случаѣ, я смѣло могу сказать, что то среднее теченіе между неумѣреннымъ осужденіемъ и такимъ же неумѣреннымъ восторгомъ ближе всего совпадаетъ съ той идеологіей войны, которую я назвалъ идеологіей подавляющаго большинства англичанъ. Эта идеологія нашла себѣ и офиціальное выраженіе въ цѣломъ рядѣ заявленій отвѣтственныхъ англійскихъ политиковъ. Приведу нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ, чтобы показать, въ чемъ она заключается.

Короче всѣхъ выразилъ освободительную идею войны французскій посланникъ Камбонъ, когда на банкетѣ въ Гилдхоллѣ (10 ноября 1914 г.) онъ сказалъ: „Мы соединились для защиты *свободы Европы* и для *поддержки націй*, подвергшихся насилію“.

И Асквитъ на томъ же памятномъ банкетѣ развивалъ тѣ же двѣ основныя мысли, когда напомнилъ, что современныя европейскія замѣшательства ведутъ свое начало отъ недавняго преступленія передъ миромъ Европы и правомъ слабѣйшихъ націй: отъ аннексіи Босніи. Онъ опредѣлилъ задачу войны положительно въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ. „Мы не вложимъ въ ножны меча, который мы не легко обнажили, пока Бельгія не вернетъ въ полной мѣрѣ все—и больше, чѣмъ все,—что она пожертвовала, пока Франція не будетъ достаточно обезпечена отъ угрозы нашествія, пока права малыхъ національностей Европы (здѣсь, кромѣ Бельгіи и Сербіи, конечно, имѣлись въ виду и порабощенныя народности Турціи и Австро-Венгріи) не будутъ

поставлены на незыблемое основаніе и пока военное господство Пруссіи не будетъ разрушено вполнѣ и окончательно. Вотъ великая задача, достойная великой націи. Для своего осуществленія она требуетъ, чтобы каждый изъ насъ, старъ онъ или младъ, богатъ или бѣденъ, занятъ или празденъ, ученъ или неученъ, *отдалъ то, что имѣетъ, и сдѣлалъ то, что можетъ*".

Здѣсь сказано все. Но я прибавлю къ этимъ официальнымъ цитатамъ, въ которыхъ на нашъ взглядъ такъ мало официальнаго, еще одну, самую смѣлую и мнѣ особенно симпатичную. Я разумѣю слова Лойдъ-Джорджа, въ американскомъ журналѣ „Pearson's Magazine". „Я вѣрю, что миръ, который наступитъ, будетъ основанъ, прежде всего, на новыхъ географическихъ границахъ, соотвѣтствующихъ границамъ національностей и желаніямъ соотвѣтствующихъ народовъ; что онъ будетъ основанъ, во-вторыхъ, на взаимномъ обязательствѣ подписавшихъ не только уважать гарантированный нейтралитетъ, но и наказывать націю, которая захочетъ нарушить международный уговоръ".

Если Асквитъ опредѣляетъ цѣль, то Лойдъ-Джорджъ указываетъ и на средства. Законченность территорій, соотвѣтственно желанію народовъ—вотъ первое изъ нихъ. Дѣйствительная правовая санкція, грозящая карой за нарушеніе общаго уговора въ одностороннихъ интересахъ одной державы,—вотъ другое средство, невозможное безъ перваго, и наиболѣе дѣйствительное. Мечтать о примѣненіи этихъ средствъ было утопіей, пока Европа дѣлилась на два враждебныхъ лагеря и находилась въ состояніи вооруженнаго

мира. Но когда, съ уничтоженіемъ государствъ-насильниковъ и съ введеніемъ въ общую норму государства-диктатора, Европа станетъ единымъ организмомъ, тогда система взаимныхъ гарантій явится неизбѣжнымъ послѣдствіемъ новой формы мірового „концерта“.

Я уже сказалъ, что взглядъ англійскихъ отвѣтственныхъ дѣятелей на освободительныя задачи войны есть не только офиціальный взглядъ, но и мнѣніе огромнаго большинства, господствующее теченіе въ общественномъ мнѣніи. Если бы я хотѣлъ доказать это, мнѣ пришлось бы сослаться на громадную печатную литературу, газетныя и журнальныя статьи, лекціи, спеціальныя книги о войнѣ, рѣчи и резолюціи митинговъ и т. д. Но всѣ эти ссылки были бы только дальнѣйшимъ развитіемъ и обоснованіемъ тѣхъ взглядовъ, которые мы уже знаемъ въ формулировкахъ Асквита и Лойда Джорджа. Упомяну, поэтому, лишь объ одномъ конкретномъ примѣрѣ: объ одушевленной проповѣди нашего недавняго гостя, извѣстнаго романиста Уэльса. Его „Мечъ мира“ типиченъ; характерна и глубокая одушевляющая его увѣренность, что все зависитъ отъ насъ самихъ. Это „мы, простые интеллигентные люди“ передѣлаемъ карту Европы; не давайте этого профессіональнымъ дипломатамъ, связаннымъ старыми условностями. „Мы“ дадимъ міру миръ: это такъ же вѣрно, какъ „завтрашній восходъ солнца“. Но русскій читатель можетъ самъ прочесть эти блестящія, вдохновенныя страницы.

Не останавливаясь на отдѣльныхъ произведеніяхъ патріотической литературы, я отмѣчу лишь двѣ идеи, которыя ее всецѣло проникаютъ и ко-

торыя, по мѣрѣ того, какъ затягивается войн
свѣтятъ англійскому обществу все ярче и в
рельефнѣе выдѣляются на общемъ фонѣ.

„Мы нелегко обнажили мечъ“,—сказалъ Асквит
Дѣйствительно, въ самомъ началѣ войны был
колебанія, сомнѣнія; какъ извѣстно, на рядово
англичанина подѣйствовалъ только такой сокру
шающій фактъ, какъ нарушеніе нейтралитета Бель
гіи. „Человѣкъ съ улицы“ въ Англіи не зани
мается внѣшней политикой и очень мало освѣдо
мленъ о томъ, что дѣлается на континентѣ. Он
вѣритъ своему официальному руководителю ди
пломатіи, въ данномъ случаѣ сэру Э. Грею, и н
Грея же готовъ былъ перенести отвѣтственност
если бы оказалось, что война затѣяна легкомы
ленно. Но вторженіе въ Бельгію открыло
простому обывателю глаза на то, съ кѣмъ он
имѣетъ дѣло. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше эт
первое впечатлѣніе, оказавшееся рѣшающимъ, во
крѣпло и углублялось. Масса инстинктомъ почув
ствовала тутъ что-то чужое, несродное и непо
нятное британскому типу культуры, и поняла, чт
война не случайна что она имѣетъ глубокі
смыслъ, ибо вытекаетъ изъ глубокихъ противо
рѣчій.

Я даже разумѣю здѣсь не экономическій кон
фликтъ, значеніе котораго, по моему, чрезмѣрн
раздуто германцами. Я разумѣю разницу тѣхъ
двухъ культурныхъ міровъ, которые здѣсь столк
нулись. Съ одной стороны—міръ отношеній, осно
ванныхъ на добровольномъ согласіи. Съ другой сто
роны, такой же замкнутый въ себѣ міръ, покоя
щійся на принужденіи и на внѣшней дисциплинѣ.
Съ одной стороны, индустріализмъ, опирающійся

свободу мірового обмѣна, на взаимную выгоду ношеній между метрополіей и колоніями, на справдливое отношеніе къ цвѣтнымъ расамъ: съ друй—милитаризмъ, стремящійся къ міровому владычеству на началахъ конквистадоровъ XV и XVI ѣка, этихъ Gewaltmenschen, прообразующихъ „бѣлокураго звѣря“ новѣйшей германской антропоогіи.

Особенно интересно отмѣтить, что контрастъ отъ сознается взаимно, хотя, разумѣется, толуется разно обѣими сторонами. Прочтите любоытную книгу Гуго Мюнстерберга, одного изъ вывозныхъ“ профессоровъ, хорошаго для Европы провозглашеннаго геніемъ въ Америкѣ: „The ar and America“. Прочтите главу о „Кайзерѣ“ сравните ее съ главой упоминавшейся уже мною книги „The war and Democracy“ о „германской культурѣ и британской республикѣ“. Эти два изоженія одной и той же темы совпадаютъ, какъ ицо и изнанка перчатки.

Германецъ и бритъ одинаково формулируютъ бщій смыслъ контраста двухъ цивилизацій. Съ дной стороны, тутъ стоитъ англо-саксонская ультура съ ея основнымъ принципомъ: *государство существуетъ для личности*. Съ ругой стороны—германскій взглядъ: *личность существуетъ для государства*. Разуѣется, въ дальнѣйшемъ германецъ и бритъ разиваютъ тему неодинаково. Для германца поглощеніе личности государствомъ есть осуществленіе высшей культурной задачи, служеніе высшимъ моральнымъ цѣлямъ человѣчества. Для британца—это унизительное и безсмысленное рабство, убивающее свободу и дѣлающее изъ человѣка ма-

шину, которую можно заставить служить чему угодно.

Въ свою очередь, для британца государство, служащее цѣлямъ личности, есть лабораторія человѣческой свободы, гдѣ вырабатывается самостоятельный починъ, формируется воля и развивается все, что есть цѣннаго въ человѣческой личности. Такимъ образомъ, совершенствуется раса и творится лучшее будущее. Напротивъ, германецъ смотритъ на этотъ идеалъ человѣческаго общежитія съ высокомѣріемъ и презрѣніемъ. Это „возвращеніе къ раціонализму XVIII вѣка"; это— „отраженіе индивидуалистической философіи". На практикѣ преобладаніе личности надъ государствомъ равносильно разнузданію всѣхъ низшихъ сторонъ человѣческой природы, торжеству своекорыстія надъ самопожертвованіемъ и чувствомъ долга, паденію въ меркантилизмъ и торгашество. Это—господство части надъ цѣлымъ и, въ результатѣ, моральная, умственная и политическая анархія, ведущая въ концѣ-концовъ къ разслабленію и вырожденію расы—и къ торжеству надъ ней расы болѣе сильной.

Чтобы почувствовать всю силу германской самоувѣренности, нужно прочесть высокомѣрныя и снисходительныя объясненія Мюнстерберга своимъ американскимъ читателямъ, что напрасно они отдѣляютъ народъ отъ императора и желаютъ превращенія Германіи въ республику. „Германія унизилась бы, если бы ей пришлось выбрать въ президенты своего лучшаго человѣка". „Могущество государства должно символизироваться въ одной личности, совершенно независимой отъ борьбы индивидуальностей между собой, если моральный

фундаментъ государства таковъ", какимъ его считаетъ германецъ.

Очевидно, тутъ—стѣна. Тутъ полная невозможность понять другъ друга, засвидѣтельствованная не только приведенными мной разсужденіями, но и фактами, созданными войной:—Лувеномъ, Реймскимъ соборомъ, „Лузитаніей", ядовитыми газами...

Какъ мы различны! Какъ глубока раздѣляющая насъ пропасть! И какъ невозможно примиреніе, основанное на добросовѣстной попыткѣ сговориться! Какъ необходимо, поэтому примѣненіе единственнаго аргумента, понятнаго противнику: безспорнаго и осязательнаго перевѣса силы!.. Необходимо не только для побѣды надъ нимъ, но и для того, чтобы не допустить побѣду надъ собой. Потому что за пораженіемъ слѣдуетъ неограниченное примѣненіе этой, уже испытанной на горькомъ опытѣ „дисциплинированной морали" германизма.

Сознаніе глубокаго несходства есть первая мысль, обратившаяся въ инстинктивное чувство даже у рядового англичанина. Необходимость бороться до конца и побѣдить: такова вторая мысль, вытекающая изъ первой.

Подобно той, первой, и она далеко не сразу была почувствована и усвоена англійскимъ обществомъ во всемъ своемъ неумолимомъ значеніи. Въ первые дни и мѣсяцы войны вся серьезность опасности далеко не вполнѣ понималась. Только по мѣрѣ того, какъ развертывались на бранномъ полѣ плоды единой воли народа, устремленной на побѣду и вооруженной всѣми средствами современной техники, англичане поняли всю дѣйствительную трудность борьбы.

Торжество сознательности самой передовой изъ современныхъ демократій оказалось въ томъ, что понявъ это, она ни на волосъ не отступила. И не только не отступила, не уклонилась, не захотѣла закрывать глаза на выяснившуюся опасность, но, напротивъ, со всей рѣшительностью пошла ей навстрѣчу.

Этой не новой, но становящейся все болѣе рельефной въ общественномъ сознаніи мыслью о серьезности положенія проникнута современная Англія. На послѣднихъ митингахъ, въ рѣчахъ отвѣтственныхъ дѣятелей, въ статьяхъ газетъ—вездѣ повторяется одна и та же мысль. Не думайте, что врагъ слабъ и что побѣда легка. Не разсчитывайте на толки о томъ, что Германія устаетъ и истощается и что перевѣсъ какъ-то самъ, автоматически, перейдетъ на нашу сторону. Германское общественное мнѣніе все такъ же едино и такъ же стремится къ побѣдѣ, какъ въ началѣ войны. Оно продолжаетъ напрягать для побѣды всѣ силы. Вмѣсто того, чтобы глумиться надъ врагомъ, лучше возьмемъ примѣръ съ него и будемъ подражать тому, въ чемъ его сила.

Нельзя никоимъ образомъ сказать, чтобы и раньше англійское общество не совершало громадныхъ усилій, тѣмъ болѣе знаменательныхъ, что они были добровольны. Собрать милліонъ добровольцевъ только одной силой убѣжденія, только одними обращеніями къ совѣсти и къ патріотизму, какими полны англійскіе плакаты, призывающіе вступить въ армію, было, конечно, нелегко. Но это было сдѣлано. Теперь выяснилось, что этого недостаточно. И англійская нація смѣло поставитъ передъ собой задачу, какая никогда не

ставилась въ теченіе всей англійской исторіи: введеніе воинской повинности.

Точно такъ же, когда событія обнаружили недочеты въ англійской военной техникѣ и когда причины недочетовъ были найдены въ недостаткахъ организаціи, а недостатки организаціи въ нераспорядительности администраціи, Англія не остановилась передъ нарушеніемъ вѣковыхъ формъ своей политической жизни, системы управленія государствомъ при помощи двухъ партій. Для исключительнаго положенія она приняла исключительныя мѣры.

Изъ многихъ цитатъ и иллюстрацій, которыя могли бы пояснить это новое настроеніе Англіи, я выберу одну: рѣчь Лойдъ Джоржа на банкетѣ печати 8 мая н. с. Принявъ приглашеніе предсѣдательствовать на празднованіи 52-й годовщины „газетнаго фонда", Лойдъ Джорджъ обратился къ печати съ просьбой—продолжать попрежнему побуждать народъ къ полному пониманію серьезности настоящей борьбы между націями, отъ исхода которой зависитъ свобода Европы для цѣлаго ряда грядущихъ поколѣній. „Нація должна понять, должна подняться до полнаго пониманія всего того, что связано съ исходомъ этой войны. А долгъ печати—научить ее этому".

Какъ это сдѣлать? Во-первыхъ, путемъ критики, поддержаніемъ бодрости въ націи посредствомъ постоянныхъ указаній на великую цѣль войны и на то, что достигнетъ этой цѣли тотъ, кто выдержитъ испытаніе до конца.

„Я не боюсь критики. Напротивъ, мнѣ даже ея не хватаетъ. Я такъ къ ней привыкъ, что когда

ея нѣтъ, мнѣ уже представляется, что военная погода испортилась".

„Когда война кончится? Этотъ вопросъ ставили Аврааму Линкольну въ другой войнѣ, тоже полной испытаній, превратностей, моментовъ унынія. Линкольнъ отвѣтилъ: „мы начали войну за достойную цѣль, и война кончится, когда цѣль будетъ достигнута".

Не забудемъ, что Лойдъ Джорджъ произносилъ эти спокойныя, увѣренныя и внушающія увѣренность слова какъ разъ въ тѣ дни, когда „погодаа, на посторонній взглядъ, въ самомъ дѣлѣ „испортилась". Въ Лондонѣ шли оживленные переговоры о преобразованіи кабинета. И преобразованіе это было проведено подъ прямымъ вліяніемъ той критики прессы, которой Лойдъ Джорджу „не хватало".

Вотъ, для образчика этой критики, нѣсколько фразъ изъ послѣдняго полученнаго здѣсь номера „Times'a (21-го мая), въ которыхъ какъ бы суммируются всѣ британскія опасенія, уже бывшія предметомъ неоднократнаго гласнаго обсужденія въ засѣданіяхъ парламента.

„Наша армія, несомнѣнно, была недостаточно численна, и ей не хватало снарядовъ, необходимыхъ для того, чтобы разбить германцевъ. Въ настоящее время — это единственная національная задача. Мы нуждаемся въ людяхъ. Мы нуждаемся въ снарядахъ—и въ снарядахъ надлежащаго качества. Ни того ни другого не приготовили въ достаточномъ количествѣ,—по той простой причинѣ, что распоряженія Китченера были даны слишкомъ поздно. Самыя настойчивыя предостереженія были игнорированы, и нація была усы-

плена оффиціальными отчетами, вводившими ее въ заблужденіе. Послѣдствіемъ этого явилось то, что сотни и тысячи британскихъ жизней были пожертвованы въ неравной борьбѣ. Такого положенія нація болѣе не можетъ терпѣть. Оно должно быть исправлено и исправлено немедленно. Иначе послѣдствія будутъ скорыя и разительныя... Все произошло потому, что лордъ Китченеръ взялъ на себя тяжесть, которая не подъ силу отдѣльному человѣку".

Я говорилъ уже о послѣдствіяхъ этой критики. Послѣдствія были тѣ, что передъ лицомъ небывалой опасности англійскій народъ примѣнилъ небывалыя мѣры. Обновленный коалиціонный кабинетъ уничтожилъ критику, вернулъ правительству полное довѣріе всего народа, безъ различія партій, и такимъ образомъ далъ возможность внѣпартійному кабинету, созданному съ нарушеніемъ лучшихъ британскихъ традицій, самому нарушать эти традиціи, если понадобится. Британская демократія на дѣлѣ показала, какъ далеки отъ дѣйствительности, какъ книжны и отвлеченны тѣ обвиненія въ своекорыстіи, въ матеріализмѣ и анархизмѣ, въ индивидуалистическихъ стремленіяхъ, на которыхъ германская идеологія основывала свою увѣренность въ вырожденіи англосаксонской расы и свою надежду самимъ занять ея „мѣсто подъ солнцемъ".

Когда я думаю о развернувшейся здѣсь мощи англійскаго народа, мнѣ приходитъ въ голову одно сравненіе. Стоя у самаго берега моря, вы слѣдите за игрой волнъ, наблюдаете, какъ одна за другой, набѣгая, лижетъ гладкіе камни, шевелитъ ихъ и уноситъ съ собой. Васъ поражаетъ разнообра-

зіе и красота свободной стихіи. Вы научаетесь любить ее, но вы ея еще не знаете. Чтобы узнать лучше, отойдите дальше и поднимитесь выше. Тамъ подробности исчезнутъ, но откроется общее и большое. Откроется ширь и просторъ.

Но продолжайте подниматься. Стихія поднимается вмѣстѣ съ вами. Какъ бы высоко вы ни зашли, высокая стѣна стоитъ въ уровень съ вашей способностью наблюденія.

Мнѣ случалось видѣть эту морскую стѣну съ высоты Ай-Петри. Она какъ будто падала, грозила задавить меня всей своей тяжелой массой, а конца и предѣла морского пространства все еще не было видно. Изъ радостнаго и возвышающаго впечатлѣніе превращалось почти въ жуткое: тутъ развертывалось величіе, безмѣрная, неистощимая сила стихіи.

Таковая стихія народная, и такой оказалась стихія англичанъ. Всегда ровная и спокойная въ сознаніи силы, проявляющая эту силу не больше, но и не меньше, чѣмъ нужно, и всегда готовая подняться въ уровень съ національной потребностью, безпредѣльная въ своей способности подъема, она вѣчно равна сама себѣ и вѣчно таитъ въ себѣ неограниченныя возможности.

Здѣсь для насъ урокъ и примѣръ. Пусть такой же окажется въ нашемъ братскомъ союзѣ и наша стихія русская.

Рѣчь А. Н. Савина.

Война обнажила нѣмецкую гордыню и нѣмецкую жестокость, но—будемъ откровенны—она же выявила нѣмецкую мощь и нѣмецкую организо-

ванность. Война показала съ непререкаемою ясностью, что нѣмецкія военныя силы могутъ быть сокрушены только коалиціей державъ и только такой коалиціей, въ которую будутъ входить и Россія, и Англія. Только при участіи Россіи можно сокрушить сухопутныя полчища нѣмцевъ. Только при участіи Англіи можно сокрушить нѣмецкій флотъ. Англо-русскій союзъ есть желѣзная, непреложная необходимость теперешнихъ грозныхъ дней. Онъ былъ бы заключенъ правительствами даже въ томъ случаѣ, если бы англійское и русское общество были чужими другъ другу. И все-таки есть глубокая правда въ утвержденіи, что англо-русскій союзъ долженъ быть союзомъ обществъ, народовъ.

Великая трагедія войны пройдетъ, настанутъ дни мира. Мы твердо вѣримъ въ конечное пораженіе нѣмцевъ съ ихъ союзниками. Но даже побѣжденный врагъ будетъ опасенъ и силенъ, будетъ долго, упорно лелѣять мечту о реваншѣ. Мы будемъ обязаны противиться всѣмъ грядущимъ обольщеніямъ нѣмецкихъ сиренъ. Если нѣмцы будутъ пытаться войти въ соглашеніе съ нами, то только для того, чтобы легче разбить нашихъ союзниковъ, а затѣмъ обрушиться и на насъ. Мы не имѣемъ права даже на нейтралитетъ, который, конечно, въ свое время окажется для нѣмцевъ простымъ клочкомъ бумаги. П. Н. Милюковъ указалъ на призывъ Лойда-Джорджа къ созданію прочныхъ гарантій для международныхъ договоровъ. Поведеніе нѣмцевъ дѣйствительно съ болѣзненной остротой поставило на очередь вопросъ о созданіи такихъ гарантій. Но созданіе ихъ есть дѣло трудное и деликатное.

Чтобы предотвратить непосредственную опасность, нужны средства менѣе далекія, легче осуществимыя, и прежде всего оставленіе въ силѣ англорусскаго союза послѣ заключенія мира. *Длительный* англо-русскій союзъ тоже есть политическая необходимость, но, къ сожалѣнію, необходимость менѣе очевидная, чѣмъ союзъ на время войны. И чтобы былъ прочнымъ длительный англо-русскій союзъ, дѣйствительно нужно, чтобы англійское и русское общества знали и уважали, еще лучше—любили другъ-друга, чтобы существовали и укрѣплялись *народныя* симпатіи.

Ѳ. И. Родичевъ говорилъ о томъ, въ какой мѣрѣ мы знаемъ англичанъ и сочувствуемъ имъ. Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какой мѣрѣ англичане знаютъ насъ. Англичане знаютъ насъ меньше, хуже, чѣмъ мы знаемъ англичанъ. Но они знаютъ насъ лучше и давнѣе, чѣмъ это многіе думаютъ. Въ пестрой разноплеменной толпѣ военно-служилаго люда, окружавшаго государеву „ставку" въ послѣдніе дни Московскаго царства и въ первые дни Петербургской имперіи, слышатся и англо-шотландскія имена. Припомнились они и Пушкину въ знаменитыхъ стихахъ Полтавы, гдѣ перечисляются „сіи птенцы гнѣзда Петрова". Брюса (Bruce) дѣйствительно нельзя отдѣлить отъ Петра и Полтавы. И за то, что чернокнижникъ Яковъ Вилимовичъ командовалъ артиллеріей подъ Полтавой, за то, что онъ вмѣстѣ съ Ягужинскимъ заключилъ Ништадскій миръ, можно простить ему то, что онъ никогда не писалъ Брюсова календаря. Лишь послѣ Петра иноземное военно-служилое окруженіе быстро дѣлается однотонно-нѣмецкимъ, къ очень малой выгодѣ для Россіи.

Въ русской хозяйственной жизни англичане долго занимали гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ нѣмцы. Среди англійскихъ торговыхъ компаній Стюартовскаго періода Московская очень видна. А во внѣшней торговлѣ Московскаго государства и молодой имперіи англичане долго стояли впереди всѣхъ. Только при Екатеринѣ англійскіе резиденты начинаютъ жаловаться на успѣхъ нѣмецкихъ купцовъ въ Россіи. Дипломатъ Юартъ въ докладѣ начала девяностыхъ годовъ относитъ начало нѣмецкаго засилья къ первому десятилѣтію Екатерины II. Но въ исторіи русской фабрики англичане удерживали командующее положеніе много дольше, приблизительно до Александра II. Многочисленныя фабрики пользовались услугами англійскихъ мастеровъ, инженеровъ, отчасти даже принадлежали англичанамъ; особенно велико было англійское вліяніе въ текстильной промышленности.

Гораздо слабѣе былъ интересъ англичанъ къ нашей духовной жизни. Но должно отмѣтить давній интересъ англійскаго духовенства къ нашей православной церкви, въ которой часть англиканскихъ клириковъ мечтала найти нѣчто родственное. Любопытно отмѣтить, что желаніе познакомиться съ русскою культурою пробуждается у англичанъ въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка, въ пору рѣзкаго политическаго расхожденія Англіи и Россіи. Начинаются славныя побѣды русской литературы и русской музыки. Имена Толстого и Чайковскаго становятся близкими образованнымъ англичанамъ. Особенно силенъ интересъ къ нашему величайшему диссиденту, вполнѣ понятный въ англосаксонскомъ мірѣ, жи-

вущемъ такою напряженною религіозною жизнью; и этотъ интересъ замѣтенъ даже среди англиканскаго клира, не только у нонконформистовъ. Съ рожденіемъ русскаго народнаго представительства, съ исчезновеніемъ военно-политической непріязни къ Россіи, съ торжествомъ политики Эдуарда VII и ревельскаго свиданія англійскія симпатіи къ Россіи быстро растутъ. Англійскій первый министръ торжественно заявляетъ о безсмертіи Думы, англійскія депутаціи ищутъ сближенія съ различными кругами русскаго общества, быстро умножаются написанныя англичанами книги о Россіи, почти всегда проникнуты искренней симпатіей къ нашей странѣ, а подчасъ и хорошо освѣдомленныя. Для столь нужнаго, необходимаго теперь сближенія двухъ обществъ, двухъ народовъ не только въ Россіи, но и въ Англіи, почва несомнѣнно, подготовлена.

Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ благопріятныхъ плодахъ, которые принесетъ нашей работѣ прочное англо-русское сближеніе. Длительные военно-политическіе союзы рѣдко остаются безъ всякаго вліянія на внутреннюю жизнь страны. Хочется думать, что близость къ англичанамъ благотворно отразится на нашихъ политическихъ партіяхъ. Особенно нуждаются въ англизированіи наши правыя партіи. Онѣ не любятъ Англіи, не довѣряютъ ей; онѣ были до войны оплотомъ нашего германофильства, отъ котораго, надо надѣяться, ихъ заставятъ вылѣчиться трагическіе уроки теперешней войны. Пусть наши правые перестанутъ чувствовать слѣпое недовѣріе къ Англіи, узнаютъ ее лучше. Въ Англіи есть не только парламентаризмъ, демократія, силь-

ные рабочіе союзы, равноправіе вѣръ и народностей. Въ Англіи есть чрезвычайно прочные и вліятельные консервативные устои, съ которыми при извѣстной эластичности могутъ сблизиться, по крайней мѣрѣ, жизнеспособные элементы русскаго консерватизма. Даже послѣ послѣдней парламентской реформы англійскіе пэры остались крупною политическою силою, а соціальное вліяніе англійской аристократіи очень велико. Трудно указать страну, въ которой тронъ былъ бы окруженъ болѣе искреннею и почтительною лояльностью. Трудно указать страну, въ которой церковь или, вѣрнѣе, церкви проявляли бы больше дѣятельности, являлись бы болѣе вліятельнымъ участникомъ всенародной жизни. Россія немало выиграла бы, если бы подъ англійскимъ вліяніемъ наши правые хотя отчасти утратили свою слѣпую непримиримость, научились величайшему политическому искусству, искусству своевременнаго компромисса, научились дѣлать благовременныя уступки во имя патріотическаго долга и даже во имя правильно понятаго эгоизма, научились уступать, чтобы прочно закрѣпить то, что еще можно закрѣпить.

Сближеніе съ Англіей будетъ выгоднымъ для нашего народнаго хозяйства. Мнѣ представляются наивными столь обычныя теперь объясненія русской хозяйственной отсталости нѣмецкимъ засильемъ. Каждый великій народъ самъ кузнецъ своей судьбы, въ великихъ русскихъ бѣдахъ и нестроеніяхъ больше и прежде всего виноваты мы сами. Но, дѣйствительно, нѣмецкій капиталъ и нѣмецкій трудъ захватилъ себѣ въ Россіи непомѣрно большое и очень опасное мѣсто. Мѣсто

вдвойнѣ опасное потому, что у нѣмцевъ, у этой націи двойного подданства, есть несомнѣнное стремленіе при помощи хозяйственной мощи добиться политическаго господства надъ Россіей. Мы еще слишкомъ бѣдны, чтобы обходиться безъ иностранныхъ капиталовъ. И мы должны стремиться къ тому, чтобы опутавшій русскую хозяйственную жизнь нѣмецкій капиталъ былъ возможно чаще замѣщаемъ капиталами англо-американскими. И здѣсь уже достигнуты нѣкоторые успѣхи. Мы, москвичи, хорошо знаемъ, какъ много сдѣлали лондонскіе банки для размѣщенія нашихъ послѣднихъ городскихъ займовъ. Въ послѣдніе годы англійскій капиталъ сталъ притекать обильнѣе и въ нашу промышленность. Но, должно признаться, англійскіе капиталы слишкомъ односторонне вкладываютъ свои средства въ золотопромышленныя и нефтяныя предпріятія. Особенно важно было бы при англійской помощи ослабить дѣйствительно опасное и непомѣрное засилье нѣмцевъ въ банковомъ и комиссіонномъ дѣлѣ, и по возможности совершенно отстранить нѣмцевъ отъ металлургическаго дѣла, столь тѣсно связаннаго съ національной обороной.

Къ національной оборонѣ больше всего тянется взволнованная душа въ дни тяжелыхъ военныхъ испытаній. И какъ-разъ въ наиболѣе элементарныхъ, но и наиболѣе важныхъ интересахъ національной обороны Россія и Англія должны стремиться къ длительному союзу, чтобы не допустить пагубнаго торжества нѣмцевъ. Россія и Англія больше не боятся и въ предѣлахъ политическаго предвидѣнія не будутъ бояться другъ друга. Англіи необходимо создать болѣе силь-

ную постоянную армію. Но она всегда останется морскою державою по преимуществу. Россіи необходимъ болѣе сильный флотъ. Но русская мощь всегда будетъ опираться прежде всего на сухопутныя военныя силы. Англія и Россія недосягаемы другъ для друга и счастливо дополняютъ другъ-друга въ борьбѣ съ огромною военною мощью Германіи. Съ искреннимъ сочувствіемъ будемъ мы слушать бодрый призывъ англійскаго гимна: Rule, Britannia, rule the waves, Britons never, never'll be slaves. Да, это правда, подлинно свободолюбивые британцы никогда не будутъ рабами, и помогутъ союзникамъ не стать вассалами мощной, но жестокой и хищной Германіи, разбить высокомѣрныя полчища нашихъ враговъ.

Привѣтствія.

Послѣ перерыва былъ прочитанъ рядъ привѣтствій Обществу. Отъ совѣта университета Шанявскаго привѣтствіе сказалъ А. А. Кизеветтеръ, выразившій пожеланіе, чтобы прекрасная Англія, колыбель и оплотъ политической свободы, и рвущаяся къ свободѣ Россія закрѣпили нерушимо свой союзъ, положивъ въ основу его принципъ: „живи и жить давай другимъ".

Отъ высшихъ женскихъ курсовъ привѣтствовалъ Общество проф. С. А. Чаплыгинъ, выразившій надежду, что союзъ Россіи съ Англіей приблизитъ то время, когда войны отойдутъ въ область преданія. Отъ „Русскихъ Вѣдомостей" привѣтствовалъ В. А. Розенбергъ, отъ Московскаго отдѣленія Русскаго театральнаго Обще-

ства—А. А. Яблочкина; отъ юридическаго Общества сказалъ привѣтствіе П. И. Астровъ, отъ Общества грамотности—С. Г. Смирновъ.

